

■

**ПОД
ЗАЩИТОЙ
ВЫСШИХ СИЛ**

ПРОШЛОЕ НЕОТСТУПНО ПРЕСЛЕДУЕТ НАС

Много ли нужно, чтобы мир преобразился? Чтобы в одночасье жизнь из однообразной и серой превратилась в яркую и зажигательную?

Мне достаточно одной книжки!

Для нас, читателей, жизнь с новым детективом качественно отличается от жизни без нового детектива. Мысль о нем согревает и придает сил. Еще пять минут назад казалось, что день категорически не удался, а сейчас в руках новый роман Евгении Горской «Под защитой высших сил». Счастье и ликование, есть что почитать!

Вы ведь тоже мучаетесь с выбором книги на ночь? Когда роешься на полках домашней библиотеки, перебирая корешки уже прочитанных и перечитанных книг, мечтая о легком, захватывающем, интересном, в меру опасном и — самое главное — новом приключении. Вот... чтобы все, как мы любим, но только новое!

Поэтому я всегда с нетерпением жду очередную книгу Евгении Горской. Я в ней заранее уверена, и детектив «Под защитой высших сил» с лихвой оправдывает все ожидания.

Хорошая книга!.. Таких сейчас пишут мало, ах как мало! Читать стало пугающе нечего, несмотря на разнообразие обложек в книжных магазинах. Выручает Евгения Горская — она пишет отличнейшие детективы. Ее тексты искрометны, точны, легки и игривы, а интриги тщательнейшим образом продуманы и старательно запутаны — без помощи автора нам ни за что не разобраться! Роман читается быстро, залпом, на одном дыхании: с первых страниц затягивает в бешено бурлящий водоворот, казалось бы, не связанных событий и характерных — смешных и страшных — персонажей.

Горская в очередной раз заставляет нас вцепиться в ее новую книгу как в спасательный круг и сломя голову нестись навстречу новой, увлекательной и парадоксальной развязке.

Какой бы сногсшибательно интересной и лихой ни была интрига, нам всегда нужна минута, чтобы перевести дыхание, отвлечься, осознать произошедшее. Это правило железно срабатывает и в литературе, и в жизни. Время от времени нам необходима короткая пауза, после которой можно бежать дальше. И Евгения Горская умело жонглирует сюжетными линиями, «переключает» и смешит нас — ее увлеченных и благодарных читателей. Наше внимание легко и незаметно переключается с детективной интриги на любовную. Вот мы вместе с героиней Настей сначала недоумеваем, откуда взялся серый «Форд», из которого злодеи вроде бы следят за ней, хотя зачем за ней следить, она самый обыкновенный инженер, и тут же радуемся, что рядом оказался Денис, новый начальник и непонятный человек, который приходит на помощь в самый нужный момент.

Читаешь «Под защитой высших сил» и до самой последней страницы не веришь: неужели герои и правда смогут выпутаться из этого ужаса?! Кто строит козни против несчастной Насти? Кого на самом деле любит Денис? И почему семейная реликвия — сердоликовый слоник с рубиновыми глазками — достается вовсе не тому, кому предназначался?..

Что скрывается в прошлом, какие страшные тайны, какие скелеты в шкафу?.. А там есть что прятать, уверяю вас! Чего только нет в этих старых пыльных шкафах, каких только ужасных происшествий, недоделанных дел, неосуществленных любовей! Ведь недаром говорят, что прошлое неотступно преследует нас, и хорошо, если оно светлое и радостное, а если стыдное и страшное? Как быть? Выход только один — жить дальше здесь и сейчас, а за грехи прошлого пусть отвечают те, кто их совершил, или тогда уж не отвечает никто. Жизнь слишком коротка и непредсказуема, чтобы тратить ее на оплату чужих счетов.

Разумеется, мир не может преобразиться в одно мгновение, да, собственно говоря, этого и не нужно. Но есть время читать, и это не одно мгновение, а, к счастью, больше, гораздо больше!.. Пока вы читаете эту книгу, мир вокруг вас, может, и не изменится, но уж точно ваш собственный, личный, маленький мир станет ярче, объемнее и интересней!

Татьяна Устинова

Среда, 27 октября

Она ненавидела Анастасию Берсеньеву так сильно, что иногда ее это по-настоящему пугало. Временами ей казалось, будто вся ее жизнь сосредоточена только на одном: на необходимости срочно, сию минуту, сделать что-то, чтобы Берсеньева не только никогда больше не попадалась ей на глаза, но чтобы ее вообще не было. Чтобы она попала под машину, или умерла от скоротечной болезни, или ее убил бы за жалкие копейки обкурившийся наркоман.

Но и эти картины ее не радовали, она понимала, что Настина смерть не принесет ей облегчения, это слишком низкая цена за те муки, которые она испытывала из-за самого Настинного существования. Берсеньева должна не просто умереть, она должна умереть в муках. И обязательно знать, кто принес ей смерть и муки. Должна рыдать, и вымаливать прощение, и каяться, и ползать у ее ног, и только после этого ненависть, такая оглушающая и острая, пойдет на убыль, а потом исчезнет совсем, и она сможет наконец-то жить спокойно. Как жила до встречи с Берсеньевой.

Ненависть была давней, и она уже почти привыкла к ней и понимала, что сделать ничего с Настей не сможет, и только боялась, что это чувство разъест изнутри ее собственный организм, и из-за неминуемых болезней еще больше ненавидела ее.

Она вздохнула, провела ладонями по лицу и медленно потянулась к телефону.

— Настюша, — грустно произнес Боря, — я сегодня к тебе не приду. К маме поеду. Горло болит, и температура наверняка есть. Работать совсем не могу. Ты-то как?

— Я нормально, — отчиталась Настя.

— Ну слава богу. Придешь домой, позвони.

— Обязательно.

Ей хотелось сказать, что ухаживать за ним она сможет не хуже его мамы, но не сказала. Болеть Борис всегда ездил к матери. Чтобы ее, Настю, не заражать.

— Не хочу, чтобы и ты заболела, — произнес грустно Боря. — Ты уж поосторожней, не простудись.

Заразить маму он почему-то не боялся.

— Поправляйся, Борь, — попросила Настя и добавила совсем лишнее: — Я буду тебя ждать.

Он нисколько не сомневался, что она будет его ждать.

Настя бросила телефон в сумку и потянулась за сигаретой.

Ей давно уже пора привыкнуть к тому, что Борис живет на два дома. Даже не так: он живет у мамы, а к ней, к Насте, просто приходит в гости. С ночевкой.

Пора привыкнуть, но она не привыкла. Ей надо знать, приедет он вечером или нет. И строить планы на выходные. Но планы она не строила давно, потому что Борис в любой момент мог бросить ее одну.

— Мне необходимо съездить к маме, Настюша, — вспоминал он в субботу утром. — Приезжает тетя Тоня, я давно ее не видел.

Или нужно съездить с мамой на дачу. Или сделать еще что-нибудь гораздо более важное, чем побыть с ней, Настей.

Ее он с собой никогда не приглашал.

Ей хотелось, чтобы у них была «семья», но семьи не получилось.

Настя достала сигарету из пачки, покрутила и сунула руку в карман брюк — зажигалка была на месте. Давно надо бросить вредную привычку курить и радоваться тому, что ей придется идти в пустую квартиру, например.

Настя отъехала на кресле от рабочего стола, посмотрела в погасший экран компьютера и отправилась в курилку на холодную пожарную лестницу.

* * *

Ракитин мог думать только в абсолютной тишине. Любые звуки: музыка, разговоры — его раздражали, от этого мысли путались, терялись, и это вызывало еще большее раздражение. В курилке он был один и думать мог сколько угодно.

Размышлять ему было о чем. Он третий день занимал солидную должность заместителя директора солидного проектного института. Не то что он очень стремился к этой должности, но, когда совсем недавно знакомый по бесчисленным совещаниям директор смежного института предложил ему стать своим заместителем, согласился сразу. Даже раньше, чем успел удивиться неожиданному предложению.

Ракитин уставился на неработающую камеру внутреннего наблюдения и едва не вздрогнул, когда гулко хлопнула тяжелая металлическая лестничная дверь.

К счастью, появившаяся девушка была одна, стояла тихо и размышлять не мешала.

Надо узнать, почему не работает камера, решил Ракитин. И приказать, чтобы починили. Потом мысленно прошелся по длинному перечню проектов, которые нужно было сдать к новому году, и только тогда понял, что смотрит украдкой на бледный профиль незнакомой девушки. Профиль был красивый, необычный, только он не мог понять, в чем его необычность. Как на старинной монете, почему-то подумалось Ракитину, хотя старинных монет он и в руках никогда не держал, только на картинках видел.

Девушка повернулась к нему лицом, сбрасывая пепел, и он поспешно отвернулся. Снова мысленно прошелся по перечню проектов, который уже знал наизусть, и украдкой посмотрел на девушку. Теперь она стояла к нему вполоборота и в полумраке показалась ему похожей на античную статую.

Красивая, не смог не признать Ракитин, решительно погасил сигарету и быстро спустился на пол-этажа к собственному, еще непривычному, кабинету.

* * *

Настроение после Бориного звонка окончательно испортилось. Не хотелось работать, и не хотелось идти домой. Что она будет делать одна весь вечер? Одной ей было тоскливо. Она мечтала приготовить для Бори ужин и рассказать ему, что соседка Эмма Владимировна, которую Настя встретила утром у подъезда, завела новую собаку неизвестной породы. Совсем маленькая собачка испугалась большой Насти и спряталась за хозяйку.

Или еще что-нибудь рассказать, или просто помолчать, глядя на уставшего Борю.

С трудом сосредоточившись на проекте, Настя заставила себя углубиться в очередную схему и, подняв голову на стук открываемой двери, над которой висели часы, удивилась, что рабочий день подошел к концу.

— К завтрашнему утру нужно подготовить справку по всем текущим проектам, — лениво приказала вошедшая Таня Саморукова. Татьяна, став несколько месяцев назад начальником отдела, всегда говорила лениво, чуть растягивая слова. И всегда именно так: «Нужно сделать». Впрочем, иногда Таня говорила не «нужно сделать», а «вы можете сделать то-то и то-то?», и никогда — «сделайте, пожалуйста». Наверное, чтобы не произносить «пожалуйста». Вместо «спасибо» же просто кивала.

Саморукова, войдя в комнату, где кроме Насти было еще два человека, ни к кому конкретно не обращалась, но все понимали, что справку придется готовить Насте. Витя Торшин, только летом окончивший институт, и Инна Марковна, которой уже давно полагалось быть на пенсии, выжидательно уставились на молодую начальницу, а Настя и не взглянула на нее.

Она уже давно с трудом выносила Саморукову и сейчас с грустью подумала, что придется увольняться.

Увольняться не хотелось. Работа Насте нравилась, люди в отделе тоже, добираться до института было удобно, и даже зарплата в последнее время стала очень приличной.

— Настя, ты меня не слышишь? — спросила Татьяна.

— Слышу.

— Ну и умница. Так не забудь, к завтрашнему утру.

Татьяна повернулась и бесшумно исчезла за дверью.

Придется увольняться, хоть и не хочется.

Они с Татьяной учились в одной группе и сюда, в институт, пришли одновременно на преддипломную практику и остались работать в одном отделе. Настя, сразу попав под руководство старого и признанного проектировщика Льва Владимировича Россмана, быстро стала работать самостоятельно, радовалась похвалам шефа и конвертам с деньгами, которые он вручал ей все чаще, и жалела Татьяну, без конца переходившую

12 из одной группы в другую и ничему так и не научившуюся.

Хотя это ее, Настю, надо было жалеть. Потому что Саморукова все семь лет, что они провели в институте, делала главное: мелькала в кабинетах начальства. И домелькалась до того, что, к удивлению и недоумению сотрудников, вышел приказ о назначении ее и.о. начальника отдела.

— Нелепость какая! — возмутился Лев Владимирович. — Хотите, Настенька, я к директору схожу? Вы — гораздо более подходящая кандидатура. Я считаю, что вы единственный достойный претендент на эту должность. Мне-то все равно, я не сегодня завтра на пенсию уйду, а вам под этой дурищей работать ни к чему.

— Нет, Лев Владимирович, — улыбнулась Настя на «дурищу», очень уж странно было слышать столь нелестную характеристику из уст безукоризненно воспитанного человека. — Не хочу. Назначили и назначили. Я локтями толкаться не умею и учиться этому не собираюсь.

Очень скоро отдел был прочно поделен на приближенных к молодой начальнице и всех прочих, и Настя, не стремившаяся в «приближенные», все чаще думала об увольнении.

Справка была готова, когда институт совсем опустел, а на улице темнела мрачная и ранняя ноябрьская ночь.

Покурю напоследок, решила Настя. Она никак не ожидала кого-либо увидеть на черной лестнице, но опять наткнулась на незнакомого мужика, с которым курила днем.

Он был очень высокий и какой-то... щеголеватый, что ли, в темно-сером костюме и при галстукe. В институте народ одевался просто: джинсы, свитер. В костюмах разгуливало только начальство.

Татьяна тоже попыталась внедрить в обиход офисные костюмы. Причем для женщин, мужская одежда ее почему-то не занимала. Теперь тех, кто хотел получить ее одобрение, стало видно по одежке. Настин вид, свитер и брюки, одобрения не вызывал.

Настя вернулась в комнату, еще раз перечитала справку, отправила ее на Татьянин электронный адрес и выключила компьютер.

Одеваясь у встроенного шкафа, посмотрела на себя в зеркало и поморщилась: бесцветная облезлая тетка. «Завтра покрашусь. Накрашусь и волосы уложу», — пообещала себе Настя.

Ракитин никак не ожидал увидеть ее так поздно в пустом здании и опять незаметно попытался рассмотреть. Зачем ему разглядывать незнакомую девуцу, он и сам не понимал. Ухаживать за ней он не собирался, как вообще ухаживать за кем бы то ни было, ему бы со своей личной жизнью разобраться, но смотреть на нее отчего-то хотелось.

Она похожа на античную статую, окончательно решил он, косясь на ее плотно сжатые губы. На статую, ожившую в самое неподходящее время. Впрочем, ему нет дела ни до каких статуй, и он отвернулся.

Девушка ушла, тихо хлопнув дверью, и он, сам не зная зачем, бросил недокуренную сигарету и метнулся к кабинету. Наспех натянул плащ, запер дверь, подергал зачем-то ручку, как будто замок мог открыться, и направился к лестнице.

Идущий сверху лифт остановился: видно, кто-то вызвал его, а ждать не стал или уехал на другом. В открывшихся дверях стояла ожившая статуя, и он испугался, что она решит, будто кабину вызвал он. Будто он не способен спуститься пешком с четвертого этажа, как дряхлый дед.

Ракитин быстро прошел мимо открытой кабины и побегал вниз по лестнице.

Он направлялся к автомобильной стоянке, замешкавшись в темном, еще плохо знакомом дворе, когда она обогнала его, прошла через калитку окружавшего здание металлического забора, и он зачем-то стал смотреть ей вслед.

Она подошла к трамвайной остановке, расположенной всего в нескольких шагах от института, посмотрела налево, высматривая трамвай, постояла несколько мгновений и, решившись, побрела к метро, сунув руки в карманы куртки.

Потом Ракитин удивлялся, что заметил тронувшуюся за ней неприметную машину. Девушка шла медленно, и машина ехала медленно, Ракитину все это отчего-то очень не понравилось, и он сам не осознал, зачем пошел к не нужному ему метро, не выпуская ее из виду.

Ехать ей оказалось всего ничего, одну остановку.

Он стоял рядом с ней в полупустом вагоне, но она его не замечала, и это отчего-то его задело.

Девушка вышла наверх с редкой толпой пассажиров, когда он, решившись и ругая себя за это, догнал ее, осторожно тронул за рукав и буркнул:

— Я вас провожу.

Настя увидела рядом с собой давешнего мужика и чуть не брякнула как дура: «Здравствуйте». К счастью, вовремя остановилась.

— Зачем? — без улыбки спросила она.

Несмеяна, подумалось Ракитину. Когда-то в детстве бабушка читала ему сказку про Несмеяну. Он не предполагал, что когда-нибудь вспомнит это забытое слово.

— Поздно уже, — объяснил он. — Темно. Я вас провожу.

— Спасибо, — отказалась она. — Мне недалеко. И иду я по освещенной улице.

— Я вас провожу, — повторил он и стал смотреть мимо нее, ожидая, когда она сдвинется с места.

— Н-ну... спасибо, — сдалась она наконец, пожала плечами и, не оглядываясь, зашагала по действительно ярко освещенной улице.

Девушка не обманула, она и в самом деле жила совсем рядом с метро.

— Я пришла, — Настя остановилась и кивнула на дверь подъезда. — Спасибо.

Несмеяна. Ожившая статуя.

Подъезд оказался освещенным. Безопасным. Так ехала за ней темная машина или ему померещилось?

— Я провожу вас до двери.

— Ну это уже лишнее, — отрезала она. — Извините. И еще раз спасибо.

Была машина или ему показалось?

— Вы... одна живете? — Она решит, что я спятил, запоздало ужаснулся Ракитин.

— У меня... гражданский муж, — отчиталась она после некоторой заминки и, резко повернувшись, скрылась за темной дверью.

Про гражданского мужа говорить было нельзя, это прозвучало глупо и пошло. Впрочем, какое ей дело до незнакомого мужика из курилки? Пусть думает что хочет. Даже, что она круглая дура.